Он появился в начале девяностых. В наступившей темноте раздались неуклюжие, деревянные, отрывисто-грубые до-ре-ми-фа-соль, вырываемые из саксофона. Звуки, как отражение времени. Они ударили по зданию администрации Калининграда, метнулись к гордо стоящему перед ним памятнику Ленина, перескочив распластавшиеся перед ним трибуны, и растворились в цветущей сирени парка, скрывающей небольшую клумбу, засаженную редкими цветами – местом влюбленных, любвеобильных и любителей поживиться чужим добром.

Ударили и затихли. Помолчали, испытывая тишину на прочность. И вновь рявкнули отраженные от памятника «Родина-Мать», в огромные витрины рыбного магазина «Океан», прогромыхали по улице генерала Черняховского, чтобы поперхнуться в чаде горящих, недоступных в цене, шашлыков у «Свиного рыла», испугаться старого здания пожарной охраны и замереть в мусоре пустых прилавков Центрального рынка.

Очередные всхлипы страдающего саксофона утонули в грохоте последней электрички Северного вокзала, нырнувшей в тоннель под площадью протяжным «Уууууууу».

– Надоел! Борисыч! Поехали, посмотрим!

Старший экипажа Сергей Бондаренко захлопнул дверь патрульного Уаза. Машина, без видимых признаков принадлежности к органам внутренних дел, из тени, управляемая древним и опытным Свитиным Валентином Борисовичем, неслышно выдвинулась на поиски источника звуков. В пре-

делах обслуживания участка – можно. Борисыч, Бондаренко, Жора Черный – они уже еще и давно профессионалы. Милиционеры взвода специального назначения патрульно-постовой службы города. Я стажер – в неуютной, новой, днем полученной, неразношенной форме. Мне все интересно и необычно. Смотрю на молчаливых, посматривающих по сторонам ребят. Хочу спрашивать и спрашивать, но молчу, стараясь не разрушать сосредоточенную тишину. Соответствовать.

Саксофон и скрывающегося за ним худого и лохматого нашли быстро. Инструмент парень купил, а учиться играть негде. Вот и вышел на улицу. Чтобы соседям не мешать.

Жора хлопнул парня по плечу:

– Молодец, мужчина! Только лучше, если переберешься на Северный вокзал, там жителей нет и мешать никому не будешь. Садись в машину – довезем.

Когда музыку переместили на площадку у вокзала, Володя добавил:

– И на глазах будешь! На всякий случай. Народ тут разный.

Машина снова растворяется в тени трибун и мерцания желтых ночных фонарей усыпанными гирляндами спящих громкоговорителей. Раньше мне казалось, что люди куда-то спешащие, с кем-то идущие, по площадям, улицам – чужие и неизвестные. Неизвестно откуда появились и где исчезли. Думал, потому что был частью. Был маленьким составляющим этого размеренного хаотического движения города. А сейчас все для меня были преступниками. Ну, минимум нарушителями общественного порядка. На мне была форма! Я стал милиционером! Я должен задерживать и пресекать! Закружил голову запах свежих погон и скрипящей кожи милицейских ботинок.

– Смотри! Вася с новой девицей идет! – потянулся Бондаренко. – Все не остепенится, допрыгается когда-нибудь.

Несмотря на поздний вечер, на площади прогуливалось достаточно народу, чтобы я не смог определить, кто из них Вася и кто его новая пассия. А потому и спрашиваю осторожно:

– Который!?

Володя неслышно улыбнулся:

– Вон, тот! Невысокий. В белой рубашке и серой жилетке. Под ручку с рыжей в красной блузке. Видишь?!

Описание точное и полное. Обычная пара. Ничего особенного. Наверное, его знакомый.

Оказалось, немного не так. И под молчание Борисыча Георгий с Сергеем открыли мне страшную тайну экипажа с позывным «Семьдесят». Это для меня площадь была толпой. Для них это были люди. Гуляющие, прогуливающиеся, спешащие с работы домой, отстающие и боящиеся, работяги и начальники, бездельники и хулиганы. Люди. И про каждого они могли рассказать столько, что можно было бы написать если не повесть, то огромный рассказ. Про каждого. Про их привычки, про их победы и поражения, про их взлеты и падения. Много. Оставаясь в тени железного Вовки. Не замечаемые ими мусора. Сторожевые псы. Часть интерьера города.

– Семидесятый Балтике!

Сергей берет в руки микрофон рации:

– Семидесятый на связи.

– Где находишься?

– На площади.

– Кафе «Снежинка». Драка.

– Принял.

Микрофон еще не положен, а Борисыч уже на полпути к кафе.

А в кафе две девушки сошлись в рукопашной за единственного и неповторимого. В перевернутых столах, опрокинутых стульях, среди теплых зрителей, смотрящих боевик-забаву. Бросаюсь разнимать, но останавливаюсь сдержанный рукой Бондаренко.

– Подожди. А то без глаз останешься и прочих частей тела.

Не понимаю, но жду. Жду до тех пор, пока одна из девиц не упала. Обеих в машину.

– Балтика семидесятому!

– На связи Балтика!

– Снежинка все. Мы в БСМП.

– Принято.

Отвозим девушек в больницу. Переписываем их данные и уезжаем. Молча.

– У владельцев претензий нет. Сами потом разберутся. А с девицами в драку вступать нельзя. Нет у них логики в рукопашной никакой. Да драться перестанут и тобой в секунду займутся, мало не покажется.

А когда обращаю внимание на закон, мои не бумажные наставники популярно объясняют мне разницу между законом государства и человеческим. Между властью и вседозволенностью. Добром и злом. Между нравственностью и беспределом. Проводят четкую грань, где можно по-людски, а где не может быть компромиссов между совестью и законом.

Я рад, что мне достались настоящие профи улицы, а не бумажные теоретики. Передающие опыт и знания настоящих милиционеров. От отца к сыну. От поколения поколению. От человека человеку.

– Балтика семидесятому. На месте.

– Принято.

Время дежурства: от вечерней пыли до умывающейся брусчатки утра. От шума машин до первых, тренькающих звонками трамваев. От усталых шагов после работы до спешащих сонных на.

– Всем, кто на связи, я Балтика! Ленинский проспект. Пеньки. Драка.

– Семидесятый принял!

– Семьдесят первый принял!

– Маяк принял!

– Спасибо!

Когда «Всем, кто на связи!» – снимаемся все. Что-то серьезное. Это уже девчата на «Ноль два» оценивают и предупреждают. Машина летит по ночному городу. Ребята машинально поправляют оружие. Мне оружия не положено. У меня в руках носимая милицейская радиостанция «Виола». Крепкая, на настоящем, кожаном тоненьком ремешке. Тяжелая и болтающаяся. Неудобная.

– Семьдесят первый семидесятому!

– Слушаю!

– Далеко?

– На мосту!

– Бери первый вход. Я второй.

– Принял!

Перекрываем вход. Борисыч в машине – он наша безотказная страховка. Сергей впереди – бульдозером. Жора, прикрывающий ему спину. Я замыкающим хвостиком с «Виолой». Работаем двумя экипажами. С двух сторон. Вклиниваемся в пьяную, махающую кулаками и разными предметами

толпу. Задача остановить и задержать. Останавливаем, разнимаем, успокаиваем. За Жорой выныривает тело в спортивном костюме и ножом в правой руке. Уклониться! А не успеть. И «Виола» делает круг на крепком ремешке и останавливается глухим стуком на голове «спортсмена». Нож падает вместе с ним. Мы победили. Основных зачинщиков в «трюм» для транспортировки в отдел милиции, а уехать не можем. Аккумулятор «Виолы» при ударе катапультировался в неизвестном направлении. Пока не найдем – не сдвинемся. Ищем. Иначе не сдать дежурства. Жора подошел, протянул аккумулятор, хлопнул по плечу: «Мужчина». Поехали.

Утро приходит туманом. Сдачей рации. Голосами и комментариями прошедшей ночи. Пешком. Общежитием. Провалом в сон. Темным, тревожным, вспоминающим. Прерывающимся стуком в дверь.

– Иван! Срочно на базу! Сбор!

Подрываюсь, плескаю в лицо водой, прыгаю в форму и топаю ногами на базу. Сонный. Но четыре часа это хорошо. Почти выспался, но не проснулся.

– Бери снайперку!

Расписываюсь в журнале за винтовку и патроны. Прыгаю в «Волгу» начальника охраны общественного порядка области Сапрыкина Николая Ивановича, сидящего на переднем сиденье. Втискиваюсь между тел и автоматов. Едем. Быстро. Где-то в детский сад ворвались два отморозка с оружием. Мы первые. Остальные будут позже. Командир взвода Соловьев Игорь инструктирует куда стрелять и как действовать. Слушаю…

А перед глазами сном – брусчатка, проявляющаяся рассеивающимся туманом утра. Трамваи, разгоняющие утреннюю мглу. Заполняющий коридоры улиц и пустоты дворов саксофон. От вокзала до вокзала. Робкий и неумелый голос утверждающихся нот города.

И мы едем работать.